

Три стены были украшены фресками, составлявшими единую сцену. На первой стене был изображён человек в одеянии даоса, одной ногой ступивший на спину журавля и смотрящий в небо, в то время как вокруг него кружили другие журавли. На второй стене была изображена небесная обитель, а на третьей — множество небожителей, ожидающих кого-то среди облаков. Смысл фресок был очевиден, но их ценность заключалась в невероятной детализации: перья журавлей были выписаны настолько тщательно, что их можно было пересчитать! Небесный дворец на второй стене был изображён с невероятным размахом, превосходящим дворцы земных императоров. Третья фреска располагалась напротив первой, создавая эффект диалога между сценами. Таким образом, не только сюжет передавал, что небожители ожидают даоса, но и их взгляды были направлены на человека, стоящего на журавле и готовящегося к вознесению. Студенты, стоявшие перед фресками, оказались как раз на линии пересечения этих взглядов.

— Это настоящая бесценная находка! — Сюй Гуанчуань, потрясённый увиденным, говорил с дрожью в голосе, его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит. Он торопливо подгонял Юэ Чжоу:

— Скорее, сфотографируй это! Нет, этого мало, просто снимки не передадут весь размах этой фрески. Нужно снять видео!

Вспышка фотоаппарата ускоряет окисление фресок, приводя к разрушению их структуры, и этот процесс необратим. Это было общеизвестным фактом. Услышав такие безответственные слова от Сюй Гуанчуаня, Юэ Чжоу тут же возразила:

— Если мы так сделаем, эти фрески просто исчезнут!

Это были ценные артефакты, которые следовало беречь, а не разрушать. Юэ Чжоу не могла поверить, что такие слова исходили от Сюй Гуанчуаня. Хотя он уже показал своё истинное лицо, она всё же надеялась, что у него остались хоть какие-то принципы как у профессора археологии.

Услышав возражение, Сюй Гуанчуань нахмурился:

— Ты думаешь, мы сможем вывезти эти фрески? Или, может, ты считаешь, что сюда кто-то ещё сможет попасть? Нам бы самим выбраться отсюда!

Его слова звучали грубо, но в них была доля правды. Археологическая группа проникла в Гробницу Инь под официальным предлогом, но на самом деле это была грабительская экспедиция. Даже если гробница будет обнаружена, её опасности, такие как таинственный Лес Тэншэ, отпугнут многих. С точки зрения расположения, Гробница Инь не подходила для раскопок. Кроме того, такие аномальные явления, как Лес Шэцун и Чунша, не должны были быть обнародованы. Поэтому гробница должна была оставаться здесь, в Лесу Шэцун, на Земле абсолютного Инь. К тому же наёмники, проникшие сюда, могли запросто взорвать гробницу на выходе.

Сделать запись этой гигантской фрески сейчас было единственным, что они могли сделать.

Юэ Чжоу с тяжёлым сердцем взяла фотоаппарат. Лучше сохранить изображение этой прекрасной фрески, чем позволить ей быть уничтоженной и похороненной под землёй. Ло Цин и Вэй Юйфэй также достали свои телефоны и начали снимать фрески. Они двигались медленно, опасаясь упустить малейшую деталь, ведь каждая деталь на этой фреске была бесценна. Жаль, что эту фреску нельзя было вывезти и показать в музее — она бы поразила весь мир! Студенты, снимая видео, не могли перестать восхищаться. Они впервые видели

такую грандиозную и детализированную фреску и не могли оторвать от неё взгляд. Наёмники же были к этому равнодушны. Они стучали по гробу, пытаясь найти механизм, так как жизнь Се Чунь была для них крайне важна.

Вспышка фотоаппарата продолжала срабатывать. Чтобы запечатлеть все детали фрески, Юэ Чжоу сделала более пятидесяти снимков каждой стены, что подчёркивало масштаб изображения. Её мысли временно были поглощены этими гигантскими фресками, хотя она и беспокоилась о Гу Лянвэй, оставшейся внизу. Но, не найдя механизма, она ничего не могла поделать, поэтому решила сосредоточиться на съёмке этих драгоценных артефактов. Ха, она только что думала, что гробница пуста и убога, но теперь поняла, что эта гигантская фреска была ценнее любого императорского захоронения! Если бы это можно было показать всему миру, это стало бы величайшим историческим открытием!

Снимая третью фреску с небожителями, Юэ Чжоу настроила фокус и, увидев ведущую женскую фигуру среди них, ненадолго замешкалась. Тем не менее она сначала закончила съёмку, а затем внимательно посмотрела на эту женщину.

Эта женщина, несомненно, была той же самой, что и на восьми фресках в передней камере, но с небольшими отличиями.

Юэ Чжоу помнила, что на тех фресках женщина всегда изображалась высокомерной, смотрящей свысока, и только перед императором, поднимающимся по лестнице, она проявляла лёгкую улыбку. Её руки всегда были сложены на талии. Но на этой фреске женщина держала в руках ветку персикового дерева.

На ветке было девять цветков.

В древности число девять имело множество значений. Оно было самым большим однозначным числом, и древние считали его самым благородным, символизирующим долголетие. Из-за формы иероглифа, напоминающей дракона, оно особенно любилось императорами. Например, императорский трон назывался «девятым престолом», а последний император Пу И подарил Чжан Цзолиню золотой халат с девятью драконами. С точки зрения чисел, девять символизировало множество или бесконечность, как в выражениях «взлететь к девяти небесам» или «одно слово, как девять треножников». Поэтому Юэ Чжоу считала, что эта женщина, держащая ветку с девятью цветами, не делала это без причины.

Возможно, это указывало на то, что эта женщина была столь же благородна, как император? На восьми фресках в передней камере она была изображена в лёгкой одежде, с лентой, обвивающей талию, и выглядела как высокомерное небесное существо. Но на этой фреске она держала ветку персика и выглядела более мягкой. Очевидно, она воспринимала даоса на противоположной стене иначе, чем императоров. Но в древности самым благородным был император. Почему же она была так снисходительна к даосу?

Юэ Чжоу уже поняла, что на всех фресках, встреченных на пути, присутствовала эта женщина. Она явно была тесно связана с владельцем гробницы. Если её предположение с Гу Лянвэй было верным, то эта женщина должна была быть Си-ван-му, а владелец гробницы — даосом, готовящимся к вознесению на противоположной стене. Тот факт, что он создал такую фреску, указывал на то, что он считал себя более благородным, чем земные императоры, и поэтому заслужил благосклонность Си-ван-му. Это говорило о его амбициях, но его простая одежда не выдавала ничего особенного. В древности многие стремились к бессмертию, и даосов было множество. Поэтому ключ к разгадке механизма, вероятно, заключался в этой фреске с Си-ван-му.

Персик... Персик... Что означала ветка персика в руках Си-ван-му? Может, это была ветка с дерева бессмертия? Юэ Чжоу размышляла, сама не зная, о чём думает, как вдруг ей на ум пришла легенда, связывающая персик, Си-ван-му и достижение бессмертия.

И главным героем этой легенды, как и Си-ван-му, был человек, чьё имя упоминалось в эпохи Цинь, Хань и других династий.

Этот человек был Аньци Шэн.

Тем временем в главной погребальной камере одни снимали фрески, другие искали механизмы, а Гу Лянвэй и Се Чунь, упавшие вниз из-за механизма в гробу, лежали без сознания на полу.

<http://bllate.org/book/16246/1461394>